

УДК 394; 392.86

Б. А. Леонова

Корчма vs кабаk: питейное заведение как этнокультурный знак в научно-литературном дискурсе пореформенной России

Леонова Бэла Арсеновна, Орловский государственный институт культуры (Орёл), кафедра теории и истории народной художественной культуры, заведующая, доцент, кандидат филологических наук, ogiik.nhk@mail.ru

В докладе исследуются этнокультурные аспекты представлений о двух типах питейных заведений – корчме и кабаке, – сложившиеся в общественном сознании России в 1860–1880-х гг. В научно-литературном дискурсе этого периода корчма и кабаk противопоставляются как явления, сформированные разными социально-политическими и экономическими условиями. Вместе с тем они воплощают различия в этнической истории и традициях общественного быта, сложившихся на территориях Центральной России и Малороссии.

Ключевые слова: питейные заведения в народной культуре, традиционный общественный быт русского народа, традиционный общественный быт Малороссии.

Как известно, во второй половине XIX столетия в русской общественной мысли, литературе, науке весьма актуальной была проблема утверждения национальных начал украинской культуры. Многие выдающиеся русские литераторы и учёные с большим сочувствием относились к этому предмету, немалое их число всерьёз занимались изучением этнической истории, фольклора и народной культуры Малороссии.

В пространстве данного дискурса одним из самых ярких знаковых образов украинской этнокультурной традиции стали питейные заведения – корчмы, шинки, в которых усматривали воплощение неких коренных, «до-имперских» начал народной жизни. В этом смысле их самобытные признаки выявлялись в сравнении с другим типом простонародного питейного дома – кабаком. Последний в общественном сознании ассоциировался с народной жизнью великорусских территорий и приобрёл абсолютно отрицательные коннотации (отчётливо ощутимые в слове «кабак» по сей день).

Как известно, кабаки возникли на Руси в связи с установлением казенной монополии на торговлю крепкими напитками, а также связанной с нею системой «откупов». Несмотря на периодические перемены в данной сфере, кабак несколько столетий оставался главным агентом розничной торговли спиртным для основной массы населения, поскольку простому народу запрещалось свободно производить спиртные напитки не только на продажу, но и для собственного потребления. Именно с кабаком связывали пьянство как общественное зло, приобретшее массовые масштабы: «Чудовищное появление таких питейных домов отзывается на всей последующей истории народа»¹. Тлетворное влияние кабака объясняли во многом особыми условиями водочной торговли в нём: здесь не подавали полноценных закусок, не торговали малыми порциями водки на вынос (только «ведрами», около 12, 3 л), для посетителя эти заведения могли служить лишь одной цели – напиться. Отметим, что эту точку зрения разделяют и современные исследователи. Так, В. В. Похлёбкин в известной «Истории водки» утверждал, что многовековое господство «кабака без еды» привело к массовому отсутствию культуры потребления крепкого алкоголя в России².

Первым и единственным в своем роде сочинением, посвященным русским кабакам в социально-политическом, экономическом и историко-культурном контекстах, стала книга И. Г. Прыжова «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868). Она же выразительно и весьма развернуто демонстрирует упомянутое противопоставление кабака малороссийской корчме (шинку). Прыжов утверждает, что появление кабаков в середине XVI в. было одним из проявлений того, что он называл «татарщиной», – оскудения общественной жизни, её древних общеславянских начал под влиянием Востока, начавшимся ещё в домонгольский период, окрепшим и продолжавшимся позднее. Писатель стремится доказать, что для культуры славянских народов исконным является другой тип питейного дома, наследие которого он видит в позднейших украинских и белорусских корчмах (шинках). Для такого заведения значимы функции общественного пространства, в котором осуществляются

важнейшие для местного сообщества коммуникации как повседневного, так и празднично-обрядового, и официального характера (место оглашения властных распоряжений и уведомлений).

Существование корчмы основывалось на свободном производстве и торговле спиртными напитками. Как часть городской инфраструктуры корчмы были продуктом самоорганизации городских общин. Не случайно свобода корчемства фигурирует как один из основных пунктов так называемого «магдебургского права» – системы средневековых правовых норм, утверждавших относительную независимость городского самоуправления, которым, как подчёркивает Прыжов, пользовались и многие малороссийские города. Несмотря на спорность вопроса о реальной роли «магдебургского права», для нашего исследования существенно, что И. Г. Прыжов, как и другие его современники, связывал свободную корчму с «европейским» корнем восточнославянских культур (в противовес, как указывалось выше, «татарщине» кабаков).

По мнению Прыжова, современный ему шинок уже претерпел заметные изменения под влиянием социально-политических и экономических условий, но всё же сохраняет признаки настоящей корчмы. Так, здесь торгуют не только спиртным, но и съестным, причём обычно поесть посетитель может вполне основательно. Помимо водки подаются и слабоалкогольные напитки. Но корчма (шинок) не просто питейный дом и заведение общественного питания. Она предполагает проведение общественного досуга. Это, по выражению Прыжова, своего рода «народный клуб», в котором могут подолгу пребывать как одиночные посетители, так и компании гостей особенно в праздничное время, для застолий по семейным или общезначимым поводам. Корчма, в отличие от кабака, не имеет репутации безнравственного и непристойного места. Она вполне почтенна и вовсе не приют для одних пьяниц. Не зазорно посещать её и женщинам (обычно, когда речь идёт о коллективных праздничных застольях). Женщины очень часто выступают и в качестве самих шинкарок.

Насколько же отображенный И. Г. Прыжовым образ малороссийской корчмы соответствует современной ему этнографической реальности? Сам писатель в «Истории кабаков...» опирается не только на письменные документы, но и на фольклорные тексты, а также устные свидетельства носителей традиции. Правда, точных ссылок на источники в двух последних случаях зачастую нет (что не противоречит авторским практикам того периода). Между тем, Прыжов известен как знаток украинского фольклора, и в частности фольклора, автор специальных работ соответствующей тематики. Но, думается, интересно сопоставить мнения Прыжова с полевыми наблюдениями его современника П. И. Якушкина, сделанными в тот

же период, когда создавалась «История кабаков...», но опубликованными на несколько лет раньше.

П. И. Якушкин, известный как создатель жанра русского этнографического очерка, поместил эти материалы в составе своих «Путевых писем», описывающих экспедиции автора по разным губерниям. Жанр и авторская позиция в «Путевых письмах» по большей части не предполагают уровня концептуальных обобщений, текст близок к дневниково-репортажной форме. В данном случае это «Путевые письма из Черниговской губернии» (1861–1862), в которых автор описывает пеший переход из южных уездов Центральной России в малороссийские земли. Его интересуют самобытные приметы повседневного уклада, костюма, жилых домов и то, как они меняются по мере его продвижения вглубь территории. Якушкин идёт из тогдашней Орловской губ. через Стародуб и Погар (ныне Брянская обл.), ранее входившие в состав так называемой Гетманщины, в Чернигов. Именно в этом походе внимание писателя приковывают шинки. Местными жителями и самим Якушкиным они характеризуются как своеобразные маркёры историко-культурных границ великорусских и малороссийских территорий. Едва намечается эта граница, как в «Путевых письмах» возникает тема корчемства: «... вёрст за десять виднеется Погар; вправо у самой опушки несколько крестов. Уж не могилы ли несчастных корчемщиков?»³. Писатель подразумевает здесь преследования за своего рода внутреннюю питейную контрабанду из малороссийских земель в великорусские. Как выясняется в дальнейшем, таковая контрабанда оставалась актуальной и в описываемое время: «... трубчевский откупщик снял все шинки по границе, да и насажал из русских, чтоб водку в Россию не перевозили», – сообщает Якушкину местный собеседник⁴.

В «Путевых письмах» Якушкин описывает посещение трёх разных шинков, где останавливался перекусить и находил сотрапезников и информантов. Характеризуя шинок в целом, Якушкин ожидаемо основывается на сравнении его с кабаком: «... шинок не то, что кабак. В кабаке кроме водки можно найти только прошлогодние калачи, бублики и ржавую селёдку. Да и сам целовальник не похож на хозяина: у целовальника зачастую и хозяйства никакого нет, и весь дом – не дом, а один кабак. В шинке для кабака отведено собственно небольшое место, а в остальном доме вы найдёте место, и отдохнуть и закусить вам подадут»⁵.

Итак, для Якушкина шинок – самый яркий знак малороссийских рубежей: «В Бугаевке первый шинок, стало быть, вольница, стало быть, и Малороссия началась. Сколько раз мне не случилось въезжать в Малороссию, я замечал всегда шинок почти на самой границе, и в этом шинке народу везде труба нетолчёная! Кто едет

в Малороссию – встречу справляет с вольницей; кто выезжает в Россию – прощается с шинком, с хорошей вольной водкой»⁶. Здесь же Якушкин описывает посетителей: «Хмельного народу, по обыкновению, в шинке было много, и всё бабы: одни шли с богомолья из Челнского монастыря (ныне Трубчевский р-н Брянской обл.– *Б.Л.*), другие пришли с каких-то крестин – доканчивать крестины... Во многих кучках запевали песни ...»⁷.

Заметим, что обыкновение праздновать в шинке зафиксировано и другими наблюдателями не только в городской, но и сельской среде. Так, в одной из статей 1882 г. Н. С. Лесков, оказавшись в селе в окрестностях Ржищева, догадывается, что попал на тогда ещё неизвестный ему большой местный календарный праздник, потому что в полях никого не было видно, зато «в корчмах сидели и пили вино „притомленные люди”»⁸. Эта картина как будто вновь отсылает к Прыжову: «В праздник, когда нет дела, человек с утра уже идёт в корчму и говорит жене: „Надо схадзиць на часок в карчму”. Жена обыкновенно отвечает: „Найдзешь на часок, а прасядзишь да начи; виць в карчмы смаляныи лавки: как сядзишь, так и паралипнешь”»⁹.

Таким образом, в крайне актуальном для пореформенной России вопросе о кабаках как безусловном бедствии народной жизни, проявляется некий этнокультурный аспект. Он обнаруживается в противопоставлении кабака, порождённого жёсткой политикой монополизации питейного дела, свободе производства и торговли спиртным, сформировавшей тип корчмы (шинка). Последняя в данной связи приобретает знаковый статус, воплощая различия в исторических судьбах и особенностях общественного быта родственных народов. Кроме того, вольная корчма противопоставляется кабаку в плане этических оценок. В ней видят естественную и значимую составляющую традиционной культуры, к тому же восходящую к самим истокам общеславянского культурного наследия.

¹ Прыжов И. Г. История кабаков в России. М., 1992. С. 65

² Похлёбкин В. В. История водки. М., 2009. С. 211.

³ Якушкин П. И. Путевые письма из Черниговской губернии// Якушкин П. И. Сочинения. М., 1986. С. 255.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 255.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Там же. С. 255.

⁸ Лесков Н. С. Праздник невежд// Исторический вестник. 1882. Т. X. С. 222.

⁹ Прыжов И. Г. Указ. соч. С. 52.

UDC 394; 392.86

B. A. Leonova

Korchma and Kabak: a Drinking Establishment
as an Ethnocultural Sign in the Scientific
and Literary Discourse of Post-reform Russia

Leonova Bela Arsenovna, The Orel State Institute of Culture (Orel), the Department of Theory and History of Folk Art Culture, head of department, leading researcher, Ph. D. (Philology), ogiik.nhk@mail.ru

The article examines the ethnocultural aspects of the ideas about two types of drinking establishments (taverns) – korchma and kabak – that were developed in the public consciousness of Russia in the 1860–1880s. In the scientific and literary discourse of that period, korchma and kabak were opposed as phenomena had been formed by different socio-political and economic conditions. They incarnated differences in ethnic history and traditions of social life that had been developed in the territories of Central Russia and Little Russia.

Key words: drinking establishments in folk culture, traditional social life of the Russian people, traditional social life of Little Russia.